

EDN: GBBFUA
УДК 101.1

Projects of Digital Philosophy in the Context of the Development of Digital Humanities

Andrei A. Gruzdev*, Andrei S. Samarin
and Grigorii A. Illarionov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 06.03.2023, received in revised form 17.03.2023, accepted 31.05.2023

Abstract. The research aims to determine the main forms of existence of digital philosophy as part of Digital Humanities through comparative analysis. The hypothesis is the rhizomatic structure of digital philosophy, which does not have a single semantic or organizational center, consisting of many sometimes complementary, sometimes heterogeneous research projects with different goals, methods and genesis, within which the digital can act as a research method, or its subject, or even an ontologically understood metaphor in the case of digital ontology. Based on a comparative analysis of the research presented in the scientific literature, the main lines in the development of digital philosophy are identified and characterized, which are the most widely represented related research projects: digital ontology, visiosophy, digital social philosophy and digital philosophical anthropology, philosophy of digital media, critical digital philosophy or cyberscepticism. The classification of research projects of digital philosophy is proposed based on the identification of two approaches: philosophical-digital, seeking to comprehend digitalization from the standpoint of classical philosophical methodologies, and focused primarily on reflection and criticism of digitalization, and digital-philosophical, seeking to expand philosophical methodology through digital tools, and the creation of new forms of philosophizing due to digitalization.

Keywords: digital humanities, digitalization, digital philosophy, digital ontology, digital anthropology, cyberscepticism, visiosophy.

Research area: philosophy.

Citation: Gruzdev A. A., Samarin A. S., Illarionov G. A. Projects of digital philosophy in the context of the development of digital humanities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(7), 1165–1176. EDN: GBBFUA

Проекты цифровой философии в контексте развития Digital Humanities

А.А. Груздев, А.С. Самарин, Г.А. Илларионов

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Цель исследования – посредством сравнительного анализа определить основные формы существования цифровой философии как части Digital Humanities. Гипотезой выступает ризоматическая структура цифровой философии, не имеющей единого смыслового или организационного центра, состоящей из множества иногда комплементарных, иногда разнородных исследовательских проектов, имеющих различные цели, методы и генезис, в рамках которых цифровое может выступать методом исследования, или его предметом, или даже онтологически понимаемой метафорой в случае цифровой онтологии. На основании сравнительного анализа представленных в научной литературе исследований выделяются и характеризуются основные линии в развитии цифровой философии, являющиеся наиболее широко представленными родственными исследовательскими проектами: цифровая онтология, визиософия, цифровая социальная философия и цифровая философская антропология, философия цифровых медиа, критическая цифровая философия, или киберскептицизм. Предложена классификация исследовательских проектов цифровой философии на основании выделения двух подходов: философско-цифрового, стремящегося осмыслить цифровизацию с позиций классических философских методологий, и ориентированных прежде всего на рефлексию и критику цифровизации, и цифро-философского, стремящегося к расширению философской методологии посредством цифровых инструментов и созданию новых, обусловленных цифровизацией, форм философствования.

Ключевые слова: Digital Humanities, цифровизация, цифровая философия, цифровая онтология, цифровая антропология, киберскептицизм, визиософия.

Научная специальность: 5.7.6 – философия науки и техники.

Цитирование: Груздев А. А., Самарин А. С., Илларионов Г. А. Проекты цифровой философии в контексте развития Digital Humanities. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2023, 16(7), 1165–1176. EDN: GBBFUA

Введение в проблему исследования

Познание входит во множество видов человеческой деятельности, проходящих через трансформацию вследствие цифровизации, понимаемой как внедрение цифровых технологий. Если в случае естественно-технического познания цифровизация, несомненно, выступает в качестве катализатора расширения методологического и инструментального потенциала соответ-

ствующих научных дисциплин, то в случае гуманитарного познания внедрение цифровых технологий порождает некоторую неопределенность. Очевидным фактом является инвазия цифровых технологий в гуманитарное познание, результат чего – возникновение цифровых гуманитарных наук, Digital Humanities (в дальнейшем – DH).

О цифровизации гуманитарных наук можно говорить на разных уровнях. На уров-

не научных институтов можно говорить о цифровизации научной коммуникации, что, впрочем, не является специфическим именно для гуманитарных наук. На концептуальном уровне можно говорить о возникновении множества концептов, различным образом вписывающих цифровые технологии в уже имеющиеся концепты, – так появились такие понятия, как «цифровое общество», «цифровая экономика» (Schevchenko, Junis, 2020), «цифровое тело» (Oreh, Sergeeva, 2015), «цифровое гражданство» (Brodovskaja, 2019), «цифровое неравенство» и «киберскептицизм» (Asochakov, 2015) – список подобных концептов огромен. На методологическом уровне речь заходит о внедрении цифровых методов исследования – оцифровки, больших данных, нейросетей и т.п., и трансформации соответствующих областей научного познания под их влиянием. На метатеоретическом уровне происходит переосмысление статуса, целей и предназначения различных научных дисциплин, их соотношений и перспектив.

К настоящему моменту ДН стали узнаваемым брендом, хотя и не имеющим под собой сколько-нибудь целостного проекта, концепции и вызывающим противоречивые оценки. О хабиутализации ДН свидетельствует институционализация их в общем корпусе научных дисциплин и междисциплинарных областей исследования. В России в качестве примера можно привести Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ, Институт цифровых гуманитарных исследований в Сибирском федеральном университете, Центр цифровой гуманитаристики Пермского университета, Российскую ассоциацию цифровых гуманитарных наук и т.д. (Samostienko, 2018). Сам факт институционализации доказывает, что присутствует осязаемый заказ на ДН, что обеспечивает исследователей в этой области возможностями для деятельности.

Проблема, стоящая перед ДН, заключается в том, что при значительной хабиутализации цифровых гуманитарных наук в практиках познания их концептуализация не завершена. Иными словами, не существует определенного ответа на вопрос – что такое цифровые гуманитарные науки,

что в их рамках можно знать, нужно делать и на что рассчитывать? Являются ли цифровые технологии просто расширением инструментария науки или они меняют сам характер познания? Насколько релевантны результаты использования тех или иных цифровых методов? Ведь полученная, например, с помощью нейросетей или больших данных информация часто бывает сомнительной в аспекте ее значимости.

Подобные концептуальные проблемы, как правило, входят в исследовательское поле философии. Однако и сама философия является частью этих проблем, поскольку также подвержена цифровизации и порождает в условиях инвазии цифровых технологий цифровую философию. Для того чтобы исполнить свою метатеоретическую функцию, философия осуществляет функцию самоопределения себя среди цифровых гуманитарных наук.

Цели и методология исследования

Обозначенные вопросы задают цель нашего исследования – анализ, систематизация и сравнение философских проектов цифровой философии в рамках ДН. Предполагаемым результатом работы является определение инварианта научно-исследовательского проекта цифровой философии в общей структуре определения цифровых гуманитарных наук. Иными словами, мы предпримем попытку рассмотреть, что представляет собой цифровая философия как одна из цифровых гуманитарных наук и каковы ее возможные функции в самоопределении и концептуализации цифровых гуманитарных наук в целом.

Методологической основой данного исследования выступит анализ, сравнение и классификация существующих подходов к цифровой философии с целью выявления возможных и действительных форм ее существования.

Отсутствие общей концепции как ДН в целом, так и цифровой философии в частности, означает, что они реализуют себя через множество своих частных проявлений – программных инструментов и построенных на них исследовательских

проектах. В этом смысле можно говорить, что к описанию внутреннего устройства ДН хорошо подходит понятие ризомы, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в 1970-е годы, хотя и использовавшееся ими в ином контексте. Ризома есть децентрализованная форма упорядочивания, в которой отсутствует единый центр, концентрирующий в себе смысловой или материальный ресурс и определяющий периферийные элементы (Mozhejko, 2001). Метафора ризомы хорошо соответствует тому, как развиваются ДН и цифровая философия в ней – множество разветвленных «корешков» – исследовательских проектов, иногда функционирующих независимо друг друга, иногда объединяющихся в некоторые формы коллаборации, в иных случаях, напротив, расходящихся в разные методологические стороны. «Корешки» ветвятся, объединяются, дифференцируются или деформируются под воздействием друг друга. У исследовательских проектов ДН нет парадигмы, в самом общем смысле этого слова – образа того, какими должны быть ДН, какие цели они предполагают и какие методы с какими результатами должны использовать. Разноголосица целей, методов и результатов образует собой некоторое подобие единства только благодаря вовлеченности в исследование цифровых технологий. Причем даже формы присутствия цифровых технологий в различных «корешках» – исследовательских проектах могут различаться. Так, в рамках цифровой философии цифровые технологии могут выступать в форме метода – например, цифровой анализ текстов; или инструмента в рамках классических методов – цифровые библиотеки и базы данных; или объекта исследования – чаще всего на предмет влияния цифровых технологий на человека и социум; или способа презентации результатов исследования – в цифровой философии технологически производимая визуализация философских знаний получил название визиософия (Makulin, 2016).

Исходя из гипотезы о ризоматическом способе упорядочивания ДН, целесообразной стратегией ее анализа становит-

ся попытка аналитически «распутать корешки» – исследовательские проекты ДН и классифицировать их исходя из сходств и различий их ключевых атрибутов. В нашем случае такому анализу будет подвергнута цифровая философия. На основании анализа публикаций по тематикам цифровой философии мы можем выделить ряд линий развития ее исследовательских проектов.

«Цифровая онтология» и «онтология цифрового»

Одна из линий развития цифровой философии, занимающаяся онтологической проблематикой, генетически восходит к натурализму, монизму, физикализму. Цифровая онтология продолжает классическую программу реалистического редукционизма, причем один из наиболее активных представителей этой линии исследователей Э. Фредкин прямо называет свой проект «цифровым механицизмом» (Fredkin, 2003). Как характеризует проект Э. Фредкина исследователь цифровой философии А. В. Макулин – «базовое предположение данной концепции заключается в том, что вселенная – это гигантский тьюринг-полный клеточный автомат» (Makulin, 2016).

«Цифровое» в рамках цифровой онтологии выступает в роли объяснительного принципа устройства мира. Начало популяризации идеи, представляющей мир в качестве вычислительной машины, что также называют панкомпьютерализмом, принято относить к соответствующим идеям инженера и математика К. Цузе, высказанным им в работе «Вычисление пространства» в 1969 г. (Zuse, 1970). Однако, несмотря на критику, данное направление поддерживается работами ряда ученых, преимущественно физиков и математиков, таких как С. Вольфрам и Г. Хайтин.

Помимо цифровой онтологии, пытающейся объяснить вселенную через уподобление ее компьютеру, существует и цифровая онтология, ставящая своей целью определение онтологического статуса самих цифровых технологий. Если К. Цузе и Э. Фредкин пытались объяснить

устройство мира сквозь призму цифровых технологий, то альтернативным «корешком» ризомы цифровой философии является онтология, объясняющая цифровые технологии через уже сложившийся понятийный аппарат философской онтологии. Генетически это ветвь восходит к философии техники. Как пишет Ю. Кхей и Г. Ловинк – «говоря о бытии, необходимо учитывать природу техники. Это амбициозная отправная точка» (Lovink, Hui, 2016). Онтологическую реальность виртуальных объектов Ю. Хуей стремится доказать, апеллируя к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера через категории «наличного» и «подручного». Критический анализ этого подхода делает З. А. Сокулер, полагая, что эти понятия не подходят для описания цифровой онтологии, и отвергает основной тезис Ю. Хуея о том, что цифровые объекты способны добавить нечто к Dasein (Sokuler, 2017). С нашей точки зрения, пример работы Ю. Хуея и его критики репрезентует в достаточной степени основные интенции этого исследовательского направления в рамках цифровой онтологии – дополнить и переосмыслить классическую онтологию встраиванием в нее продуктов развития цифровых технологий.

Визиософия

Термин визиософия предложен А. В. Макулиным в качестве обозначения исследовательского проекта по визуализации философского знания (Makulin, 2016). Это направление находится на стыке философии сознания, философии языка и исследований инструментария цифровых технологий.

Нельзя сказать, что визуализация философского знания является темой, возникающей в процессе инвазии цифровых технологий в науку и философию. Напротив, использование визуальной презентации и визуального мышления может быть отслежено с истоков философского знания. Его наиболее очевидной формой является художественная метафора как способ изложения различных философских концепций – «Пещера Платона», «Слепые и слон», «Буриданов осел» и т.д.

Основным тезисом визиософии является концептуализация и реализация «визуального поворота», по аналогии с «лингвистическим поворотом» начала XX века. «Визиософия – как образно-визуальная точка зрения на философию... на фундаменте концепций образно-визуального мышления, визуализации научного и философского знания, общей теории инфографики и технологий Digital Humanitius, концепций образной и визуальной логик. Общими идейными метаустановками являются два знаменитых поворота в развитии гуманитарных наук – визуальный поворот и вычислительный поворот» (Makulin, 2017).

Визуальное мышление как объект философского изучения не монополизирован в рамках визиософии и развивается в родственных ей направлениях исследования. Например, визуальное мышление рассматривает как один из атрибутов клипового сознания Ф.И. Гиренок (Girenok, 2015). Однако отличительной чертой визиософии является ее практическая и прагматическая интенция, стремящаяся не столько рефлексировать, сколько производить объекты своего изучения – визуализацию философии, что позиционируется как основание адаптации философского познания к прогнозируемой Четвертой промышленной революции – внедрения сложных визуально-виртуальных систем во все сферы жизни. Иными словами, данный «корешок» ризомы ДН имеет своей целью адаптировать философию к специфике мышления цифровой эпохи через изменение формы презентации философских идей с использованием технического инструментария.

Цифровая социальная философия и цифровая философская антропология

Это направление исследований в цифровой философии наиболее широко представлено. Этот «пучок корешков» ризомы цифровой философии объединен общей целью – раскрытием вопроса, каким образом цифровые технологии преобразуют социум и человека в самых различных областях и подсистемах. Например, в рамках цифровой социальной философии Е. Фи-

шер изучает, каким образом цифровизация стала основным трендом и брендом «нового капитализма» вместо господствовавших там ранее глобализации и постмодернизма (Fischer, 2010). Или можно привести в качестве примером работы известного шведского философа Н. Бострома, возглавляющего «Институт будущего человечества» и исследующего широкий спектр проблем технологии – от виртуалистических «гипотез жизни в Матрице» до этики искусственного интеллекта (Bostrom, 2016). В рамках цифровой антропологии исследуются трансформации человеческой социализации, деятельности и ценностей. Например, исследование группы авторов, которые полагают, что «цифровой человек» станет принципиально иным аксиологическим субъектом по сравнению с предшественниками (Guryanova, Astafeva, Filatova, Khafiyatullina, Guryanov, 2018). Или с социально-эпистемологических позиций отследить, каким образом научное познание, обусловленное социальными предпосылками знания, изменяется в процессе цифровизации (Tihonova, Frolova, 2019). Даже такие темы, как религиозность, могут изучаться в рамках цифровой антропологии, как это делает К. Кьюсак, исследуя трансформации религиозности и подходов к ней в популярной культуре, определяющей характеристикой которой является протекание в цифровой среде (Cusack, 2016). В качестве частного примера последнего можно привести ажиотаж вокруг нейросети GPT-3 и ее возможностей генерации научных текстов, релевантности подобных текстов и последствий ее функционирования для системы научной публикации и научного познания в целом.

В рамках одного текста сложно отразить все возможные вариации объектов и подходов в рамках цифровой социальной философии и цифровой философской антропологии. Для нас важно отразить, прежде всего, сущностное качество, их объединяющее, – это интенция к рефлексии инвазии цифровизации на всех уровнях социально-антропологической реальности. Практическая же цель может быть различ-

ной – от радикальной критики цифровизации до обоснования необходимости ее широчайшего внедрения. Основным методом дифференциации подходов в данной ветке цифровой философии будет аналогичный таковому в цифровой онтологии: одни подходы построены на рефлексии внедрения цифрового в социум и жизненный мир человека – и тогда мы говорим о «цифровой экономике», «цифровом праве» или «цифровом теле»; другие подходы стремятся определить, каким образом цифровое может презентовать себя и функционировать, порождая новые направления мысли и деятельности – и тогда речь заходит об «этике ИИ», «глобальном мозге», антропологии больших данных.

Философия цифровых медиа

Выделение философии цифровых медиа в качестве отдельного направления в рамках цифровой философии может показаться спорным с точки зрения классического разделения научных дисциплин по объектам исследования. Однако поскольку сфера медиа является ключевой областью применения цифровых технологий, мы решили упомянуть о ней отдельно, как о содержащей свою специфику.

Понятие «медиа» в философии весьма широко, обозначая любые формы опосредования коммуникации. На наш взгляд, удачным является определение, данное Т. Миллером и М. Крейди – «слово-портмоне для описания множества культурных и коммуникационных машин (инструментов) и процессов, которые связывают людей, процессы, институты, значения и власть в материальном мире» (Miller, Kraidy, 2016).

Одной из групп исследовательских проектов в области философии цифровых медиа – «корешков» ризомы цифровой философии и ДН – являются прагматически ориентированные исследования в области инструментов коммуникации. А.В. Макулин обобщает это в понятии «интеллектуальных систем» – «программного обеспечения, позволяющего расширять возможности гуманитарных изысканий посредством использования средств компьютерного про-

граммирования и моделирования, создания баз данных, алгоритмов извлечения информации, построения графических визуализаций и т.д.» (Makulin, 2016). Впрочем, большинство этих инструментов не специфичны для философии и могут рассматриваться как общие для всех ДН.

Основным цифровым инструментом как ДН, так и цифровой философии в целом, является электронная база данных. Как описывает функционирование этого инструмента один из его идеологов Д. Ансворт – «в некотором смысле наше будущее – это семантически структурированная сеть, которая требует формального отображения человеческих знаний» (Unsworth, 2017). Цифровые технологии здесь очевидным образом выступают медиатором связи субъекта и знания. В России наиболее известными базами данных такого рода являются e-library, Киберленинка, Scholar, Science Research. Обработка данных – статистического и графического анализа, прогнозирования, data mining – может быть осуществлена с помощью специализированного программного обеспечения, такого как STATISTICA, которые в рамках философии могут быть полезны для контент-анализа. Еще одним цифровым медиатором коммуникации могут выступать различные программы визуализации данных, идейную составляющую которых мы рассматривали, когда говорили о визиографии. Инструментами могут выступать такие программы, как 3ds Max, Huper Fun, VTK и т.п. Цифровым инструментом для институтов науки стали наукометрия и антиплагиат, становящиеся одним из ключевых критериев оценки деятельности ученых, в том числе и философов – несмотря на спорность такой регуляции.

Иными словами, практическая сторона цифровой философии медиа выражена в проектах применения различных цифровых технологий для развития самых различных форм коммуникации. Вышеперечисленные и многие другие способы установления, поддержания и развития различных коммуникативных связей не специфичны ни для философии, ни для ДН, хотя

и могут использоваться применительно к философии, примером чего можно назвать проекты геймификации процесса преподавания философии (Buhtojarov, 2018).

В качестве примера работ, посвященных исследованию трансформаций механизмов медиации коммуникации можно привести работы Б. Стиглера (Stiegler, 1998). Его ключевым тезисом, который он заимствует от М. Фуко и развивает, является рассмотрение цифровых медиа как отчуждаемой от субъекта «машины памяти». М. Фуко в рамках своей «археологии знания» писал о материализации знаний, которые, будучи собраны в архив и упорядочены, сами начинают задавать порядок следующим итерациям рецепции и выработки знаний (Foucault, 2004). Б. Стиглер продолжает этот тезис, анализируя, в свою очередь, каким образом цифровизация изменяет процесс отчуждения памяти от субъекта при помощи машин. Он вводит понятие «гиперматериальности» знания, которое переходит грань, в которой содержание задает форму знания, или форма упорядочивает содержание. В цифровой коммуникации форма (например, программная) и содержание неотделимы друг от друга: «Эта материализация не приходит ни после формы, которую она сохраняет, ни до нее, и ее следует мыслить вне противопоставления материи и формы – как гиперматерию» (Ryzhenkova, 2015). Все ДН проникнуты гиперматериальностью, где цифровой код является и содержанием, и инструментом выработки, и целью, и объектом, и даже, возможно, субъектом – если мы предположим, что нейросети, создающие некоторое содержание, смогут обладать субъектностью. В гиперматериальных медиа нет границы между порядком и тем, что этот порядок задает. Гиперматериальные дискурсивные практики становятся своего рода эпистемой познания цифрового мира – социально и технически обусловленными априорными предпосылками знания.

Еще одним «корешком» ризомы цифровой философии становятся конструктивистские феноменологические исследования процесса конструирования социальной

реальности, происходящего в условиях цифрового мира. Методологически это направление философии цифровых медиа восходит к феноменологической социологии А. Шюца и социальному конструкционизму П. Бергера и Т. Лукмана, которые стремились проследить каким образом формируется жизненный мир человека и как коммуникация порождает институционализованную социальную реальность, которая воспринимается в дальнейшем ее участниками объективной и от них независимой. Еще одним источником рецепции можно назвать работы Ж. Бодрийяра, рассматривавшего процесс замещения жизненного мира человека цифровыми знаковыми реальностями симуляций (Baudrillard, 2016).

Примером такого исследования является работа «Медийное конструирование реальности» Н. Коудри и А. Хеппа (Couldry, Hepp, 2017). Они рассматривают каким образом цифровые медиа создают схемы поведения людей в их жизненном мире, который, будучи продуктом коммуникации, носит принудительный характер. В качестве иллюстрации можно привести трансформации темпоральности социального мира, в рамках которого создается «культура мгновенности», принуждая многих жить в режиме 24/7, в боязни пропустить звонок или сообщение (Nim, 2017). Такая коммуникация, ставшая возможной благодаря цифровым медиа, базируется на ожидании быстрого ответа – по электронной почте, в мессенджерах или социальных сетях. В рамках трудовой деятельности и социальной жизни человек для соответствия коммуникативным ожиданиям должен быть всегда доступен для других, иногда в ущерб собственным желаниям.

Разумеется, цифровая философия медиа не исчерпывается приведенными примерами подходов к ней. Ее инструментальная часть непрерывно прирастает различными техническими новинками, что порождает новые проекты ее различного использования в ДН, и цифровой философии в частности. Кроме того, философия цифровых медиа имеет значительный практический компонент в социально-политической

практике в рамках того, что называют социальной инженерией, т.е. деятельности по целенаправленному конструированию социальной реальности. Подобная деятельность концептуализуется в таких понятиях, как «информационные войны», «войны памяти».

Критическая философия цифрового, или киберскептицизм

Наконец, значительное место в ризоме цифровой философии занимают те ее «корешки» – исследовательские проекты, целью которых является социальная критика роли цифровых технологий в современном социуме, научная критика идей цифровой философии, критика практики ДН и цифровой деятельности в целом. Критичность позиций может варьироваться от рассмотрения конкретных проблем цифровых технологий при общем признании ее в качестве инструмента деятельности, в том числе и научной, до полного киберскептицизма – утверждения о преимущественной вредоносности цифровых технологий или фиктивном характере цифровизации.

К умеренной критике, направленной скорее на выявление слабых мест в использовании цифровых технологий в ДН, относится работа немецкого профессора М. Таллера. Он выделяет ряд проблемных моментов в рамках применения цифровых технологий в гуманитарных исследованиях:

– потеря фокуса, что подразумевает что внедрение цифровых технологий в научные исследования приводит к смещению целей исследования. Если первоначально целью ДН было улучшение исследований посредством, например, создания цифровых библиотек, то теперь создание цифровых библиотек становится самоцелью, задающей направление исследовательской работы. Как пишет М. Таллер – «я никоим образом не могу признать, что обилие цифрового материала, ставшего доступным в последнее десятилетие, сопровождалось аналогичным повышением уровня или мощности аналитического инструментария» (Thaller, 2012);

– сужение области применения, что означает происходящую на практике редукцию ДН до цифровой обработки текстов;

– циклический характер развития. М. Таллер указывает что развитие ДН представляет собой циклическое явление, при котором появление новых технологий вызывает первоначальный широкий исследовательский интерес у ученых-гуманитариев, что приводит к институционализации – росту исследований с применением технических новинок и появлению в университетах обилия соответствующих курсов. По мере дальнейшего внедрения технологий ажиотаж утихает, а часть ученых возвращается к классическим методам. М. Таллер выделяет несколько таких циклов – 1949–1970, 1970–1985, 1985–1997 и т.д. Не является ли сегодняшний интерес к цифровым технологиям в гуманитарных науках еще одной итерацией технологического ажиотажа, который вскоре пойдет на спад?

– технология – от Бога? Под таким заголовком М. Таллер рассматривает проблему фетишизации цифровых технологий. При этом, с другой стороны, у гуманитарного сообщества и социума в целом наблюдается и отношение к технике как к чему-то низкому и прагматическому. Такая амбивалентность отношения к цифровым технологиям препятствует рациональному управлению их развитием, когда технология или безосновательно отвергается, или безосновательно наделяется почти сакральным статусом.

Существует и более радикальный спектр позиций, отрицающих благотворность влияния развития цифровых технологий на социальные, экономические, политические процессы, на познавательную деятельность и обыденную жизнь. Обобщенно подобную позицию можно обозначить как «киберскептицизм» (Asochakov, 2015). В качестве примера можно привести широко цитируемую статью Т.Л. Томаса, в которой он стремится доказать, что развитие цифровых технологий настолько же расширяет возможности познания, насколько и сужает их, поскольку создает невиданный ранее уровень возможностей

к обману и дезинформации (Thomas, 2008). Скептический взгляд на перспективы внедрения цифровых технологий мы можем найти в монографии Е. Морозова, который стремится опровергнуть распространенные тезисы о благотворности интернет-коммуникации для социальных процессов (Morozov, 2014).

Хотя на сегодняшний день критическая философия цифровых технологий еще не оформилась в отдельную дисциплину, в отношении ее перспектив можно провести аналогию с критической социальной теорией Франкфуртской школы и ее последователей. Насколько критический дискурс в отношении идеологии модернизма служил основанием для целого ряда философских дискурсов второй половины XX в., настолько же философия имеет потенциал к формированию критической школы цифровой культуры, при условии дальнейшей разработки и концептуализации. В некотором роде можно рассматривать в качестве методологических предпосылок такой критической мысли работы уже ранее упомянутых Ж. Бодрийяра и Б. Стиглера.

«Философско-цифровой» и «цифро-философский» подходы

Итак, мы рассмотрели ряд проектов и направлений мысли в рамках цифровой философии. На наш взгляд, показанный диапазон позиций, методов, целей и подходов убедительно подтверждает гипотезу о ризоматической структуре цифровой философии в рамках ДН. Мы не находим явного центрального элемента в цифровой философии, поскольку цифровые технологии могут выступать в рамках перечисленных исследовательских проектов и работ и как инструмент, и как цель, и как объект исследования или критики, и как метафора в случае панкомпьютерализма, и как основание социально-эпистемологической парадигмы и т.д.

Однако мы все же можем выделить две крупные линии, объединяющие в себе разнородные исследования в рамках цифровой философии, расходящиеся по ряду характеристик. Мы обозначим их как «цифро-философское» и «философско-цифровое».

«Философско-цифровые» исследования мы называем таким образом, поскольку они стремятся интегрировать цифровое в уже сложившуюся систему концепций и теорий. Цифровое в таких исследованиях почти всегда выступает в роли фактора, который необходимо учесть для пересмотра уже сложившихся представлений о каком-либо социальном или антропологическом понятии, процессе, феномене. Например, когда речь заходит о «цифровом человеке» – исследователи вписывают цифровое в уже имеющийся комплекс категориального и понятийного аппарата антропологии. Цифровое в «философско-цифровых» исследованиях является прежде всего не инструментом, но предметом исследования или его частью. Это не значит, что цифровые технологии в этом случае не могут использоваться вовсе в качестве инструментов исследования, но основная интенция направлена не на их внедрение, но на рефлексию их влияния и критическое осмысление последствий вызванных ими трансформаций. Методологической их основой выступают классические методы философии, используемые при исследовании в гуманитарных областях – феноменология и ее вариации, герменевтика, концептуальный анализ. Прагматикой «философско-цифрового» подхода в исследованиях выступает прежде всего конструктивистская идея социальной инженерии – т.е. регуляции общественных отношений путем распространения различного содержания, где цифровые технологии – это и медиainструмент, и объект исследований. Наиболее наглядной иллюстрацией подобной прагматики являются «информационные войны». Настоящая работа также очевидно принадлежит к «философско-цифровым».

«Цифро-философские» исследования, к которым из перечисленных можно отнести визиософию, инструментальную философию цифровых медиа, цифровую

онтологию, делают акцент на внедрении, непосредственном использовании цифровых инструментов. Это показывает главную интенцию «цифро-философского» подхода – основание нового знания при помощи создающихся инструментов. Впрочем, это необязательно означает отсутствие широкого обоснования. Так, А. В. Макулин для своего проекта визиософии создает обширный философский базис, обосновывающий его концепцию и рассматривающий ее предпосылки вплоть до древней философии. Формализация полученных при помощи цифровых методов данных подчиняется порядку инструментов их получения, вполне в соответствии с тезисом Б. Стиглера о гиперматериальности знания в эпоху цифровой коммуникации – оно выражаемо в виде программного обеспечения и визуализаций, которые, впрочем, могут конвертироваться на естественный язык. В целом «цифро-философский» подход выражает оптимизм в отношении цифровых технологий, полагая их соответствующим историческому моменту средством создания новых полезных методов для самых различных видов деятельности, в том числе и философского познания.

С целью наглядности выделяемых различий между «философско-цифровым» и «цифро-философским» подходами визуализируем их в таблицу.

Следует отметить, что выделяемые нами «философско-цифровые» и «цифро-философские» позиции не являются взаимоисключающими, и даже не обязательно противопоставляют себя друг другу. Они вполне могут сочетаться и в рамках одного исследовательского проекта. Скорее, они выражают два возможных пути философа в условиях цифровизации, если он делает ее своим объектом познания, – стать критичным наблюдателем цифровизации, подобно критической философии XX века, или в ее рамках стать производителем цифрового контента цифровыми же средствами.

Подход	Философско-цифровой	Цифро-философский
Цифровые технологии	Часть объекта исследования	Инструмент исследования
Цель	Рефлексия	Производство знания с использованием новых методов
Язык	Естественный	Цифровые знаковые системы, визуализации
Отношение к цифровым технологиям	Критическое	Оптимистическое
Методы	Герменевтика, феноменология, концептуальный анализ	Цифровой анализ текстов, визуализация знания
Прагматика	Социальная инженерия	Новые методы исследования
Результаты	Новые понятия и концепции	Цифровой контент

Список литературы / References

Asochakov J. V. «Cifrovaja liberalizacija», «Cifrovoe neravenstvo» i kiberskepticizm [«Digital liberalization», «Digital inequality» and cyberscepticism]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*, 2015, 2, 93–99.

Baudrillard J. *Simuljakry i simuljicii [Simulacra and Simulation]*. Moscow, POSTUM, 2016. 240 p.

Bostrom N. *Iskusstvennyj intellekt. Jetapy. Ugrozy. Strategii [Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies]*. Per. s angl. S. Filina. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 496 p.

Brodovskaja E. V. Cifrovye grazhdane, cifrovoe grazhdanstvo i cifrovaja grazhdanstvennost' [Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship]. In: *Vlast'*, 2019, 4, 65–69.

Buhtojarov M. S. Gejmifikacija prepodavanja filosofii na primere igry “filosofskaja ohota” [Gamification of philosophy teaching on the example of the game “Philosophical Hunt”]. In: *Filosofija obrazovanija*, 2018, 4 (77), 127–136.

Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, Polity Press, 2017. 278 p.

Cusack C. M. *Invention in ‘new new’ religions In The Oxford handbook of new religious movements*. Oxford, Oxford University Press, 2016, 237–247.

Fischer E. *Media and New Capitalism in the Digital Age. The Spirit of Networks*. London. Palgrave Macmillan, 2010. 271 p.

Foucault M. *Arheologija znanija [Archaeology of Knowledge]*. Sankt-Peterburg. Gumanit. Akad. Univ. kn., 2004. 416 p.

Fredkin E. An Introduction to Digital Philosophy. In: *International Journal of Theoretical Physics*, 2003, 42 (2), 189–247.

Girenok F. I. (2015) *Klipovoe soznanie [Clip consciousness]*. Moscow, Prospekt, 2015. 534 p.

Guryanova A., Astafeva N., Filatova N., Khafiyatullina E., Guryanov N. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information. In: *The Impact of Information on Modern Humans. Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2018, 622, 97–104.

Kataeva O. V. Cifrovizacija i virtualizacija zhiznennogo mira: ocenki i pozicii [Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions]. In: *Intellekt. Innovacii. Investicii*, 2020, 6.

Lovink G., Hui Y. Digital Objects and Metadata Schemes. In: *E-flux. Journal*, 2016, 78. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/> (accessed: 07.02.2022).

Makulin A. V. Intellektual'nye sistemy v gumanitarnoj sfere i cifrovaja filosofija [Intelligent systems in the humanities and digital philosophy]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2016, 2, 76–86.

Makulin A. V. *Viziosofija. Oko Linneja i Shhit Perseja [Visiosofia. The Eye of Linnaeus and the Shield of Perseus]*. Arhangel'sk, Izd-vo Severnogo gos. med. un-ta, 2017. 480 p.

Makulin A. V. Vizualizacija filosofii i cifrovaja viziosofija [Visualization of Philosophy and digital Visiosophy]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2016, 3, 62–72.

Miller T., Kraidy M. M. *Global Media Studies*. Cambridge, Malden: Polity Press, 2016. 247 p.

Morozov E. *Internet kak illuzija: Obratnaja storona Seti [The Internet as an illusion: the reverse side of the network]*. Moscow, AST, 2014. 528 p.

Mozhejko M. A. *Rizoma. Postmodernizm. Jenciklopedija [Rizoma. Postmodernizm. Encyclopedia]*. Moscow, Knizhnyj Dom, 2001. 1040 p.

Müller V. C. «Pancomputationalism: Theory or Metaphor?». In: Hagengruber, Ruth; Riss, Uwe (eds.). *Philosophy, Computing and Information Science Pickering & Chattoo*, 213–221.

Nim E. (Ne)social'noe konstruirovanie real'nosti v jepohu mediatizacii [(Non)social construction of reality in the era of mediatization]. In: *Sociologicheskoe obozrenie*, 2017, 3, 409–427.

Oreh E. A., Sergeeva O. V. Cifrovoe lico i cifrovoe telo: novye javlenija v vizual'nom kontente social'nyh setej [Digital face and digital body: new phenomena in the visual content of social networks]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*. 2015. 2. P. 137–145.

Ryzhenkova V. V. Ontologija cifrovogo mira v optike cifrovih media: ot virtual'nogo k gipermaterial'nomu [The Ontology of the digital world in the optics of digital media: from virtual to hypermaterial]. In: *Vestnik VGU. Serija: Filosofija*, 2020, 2, 112–117.

Samostienko E. V. Digital Humanities v russkojazychnom kontekste: traektorija institucionalizacii i mehanizmy formirovanija avtonomnyh zon [Digital Humanities in the context: the trajectory of institutionalization and mechanisms for the formation of autonomous zones]. In: *Vestnik VjatGU*, 2018, 4, 37–45.

Shevchenko S. V., Junis H. M. Jevoljucija ponjatij «informacionnoe obshhestvo» i «cifrovaja jekonomika» [Evolution of the concepts of “information society” and “digital economy”]. In: *Trudy BGTU. Serija 5: Jekonomika i upravlenie*, 2020, 2(238), 33–37.

Sokuler Z. A. «Fundamental'naja ontologija» i ontologija digital'nogo mira [“Fundamental ontology” and the ontology of the digital world]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofija*, 2017, 6, 3–17.

Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford, 1998. 316 p.

Thaller M. Controversies Around the Digital Humanities. In: *Istoricheskaya informatika*, 2012, 1, 5–13.

Thomas T. L. Cyberskepticism: The mind's Firewall. In: *Spring. IOSphere*, 2008, 4–8.

Tihonova S. V., Frolova S. M. Cifrovoe obshhestvo i cifrovaja antropologija: transdisciplinarnye osnovanija social'no-jepistemologicheskikh issledovanij [Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary foundations of Socio-epistemological research]. In: *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2019, B. 19, 3, 287–290.

Unsworth G. Chem javljaetsja i chem ne javljaetsja gumanitarnaja informatika [What is and what is not humanitarian informatics]. In: *Cifrovye gumanitarnye nauki: hrestomatija / pod red. M. Terras, D. Nadjhan, Je. Vanhutta, I. Kizhner; per. s angl. Krasnojarsk. Sibir. feder. un-t*, 2017. 352 p.

Zuse K. *Calculating space*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, 1970. 65 p.